

На правах рукописи

Недзелюк Татьяна Геннадьевна

**КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО КАТОЛИКОВ СИБИРИ:
ВЛИЯНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ
(1830–1917 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск 2014

Работа выполнена в Сибирском институте управления – филиале федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», на кафедре теории и истории государства и права

Научный консультант:

Зверев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Нам Ираида Владимировна, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра современной отечественной истории

Сабурова Татьяна Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет», кафедра отечественной истории

Смирнова Татьяна Борисовна, доктор исторических наук, доцент, проректор по учебной работе, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет»

Защита состоится 30 апреля 2015 г. в 10 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 003.030.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории Сибирского отделения РАН, а также на официальном сайте института (<http://www.history.nsc.ru>).

Автореферат разослан «...» 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических
наук

Д. Г. Симонов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Обширные пространства Сибири в XIX – начале XX в. активно осваивались российским правительством и народами Европейской России. В движение пришли огромные массы населения. Переселенцы из западной части государства нередко исповедовали неправославное христианство и являлись носителями протестантского либо католического менталитета. Их численность, состав, правовой статус и особенности размещения в Сибири ранее становились предметом изучения историков, но никогда не были исследованы особенности их мировоззрения, повлиявшие в конечном результате на социокультурный облик сибирского населения.

Осмысление опыта формирования поликонфессионального сообщества в многонациональной Сибири является ценным инструментом регулирования государственно-конфессиональных отношений и выстраивания межконфессионального диалога. Российское общество сегодня осознаёт важность возникшей проблемы, научное сообщество предлагает варианты разработки государственной стратегии, предполагающей анализ специфики региональных конфессиональных сообществ.

Ментальные установки непосредственным образом влияют на жизненный уклад, находят отражение в повседневной практике людей. Новая социальная история с ее методологическим инструментарием дает возможность проследить трансформацию идей, концепций, представлений различных социальных групп в установки поведения и их воплощение в повседневной деятельности через социальные практики. Влияние мировоззрения на повседневную жизнь конфессионального сообщества католиков Сибири 1830–1917 гг. – актуальный сюжет новой социальной истории и новой интеллектуальной истории как одного из ее исследовательских направлений.

Степень изученности проблемы. Влияние мировоззрения сибирских католиков на их повседневную жизнь до настоящего времени не становилось предметом изучения. Однако солидную основу для изучения этой темы представляет обширный круг *отечественной научной литературы* по смежным вопросам истории европейских этнических диаспор и католицизма в Российской империи и, в частности, в Сибирском регионе.

Дореволюционная российская историография представлена преимущественно православно-охранительным направлением. Внимание университетской профессуры было обращено к дискуссионным вопросам различий в догматическом богословии, литургике, правовом положении православной, католической, протестантской церквей в империи. Исследователями был накоплен значительный массив фактического материала об общем состоянии католических церквей в России, правовой базе их существования, появились первые тексты с фрагментами исследования, в которых были сделаны выводы, значимые для нашей работы. Авторов волновал вопрос о правомерности и легитимности существования католических церковных административных структур на российских территориях, где православная церковь обладала статусом государственной. Православные священники Т. И. Буткевич и М. Морошкин считали католическую миссию в российских городах проявлением политики экспансионизма. Однако общественные деятели К. К. Богословский и Д. В. Цветаев характеризовали факт наличия католических храмов и приходов в России как закономерное проявление процессов взаимовлияния культур в многонациональном государстве¹.

Интересны размышления доктора богословия, католического священника немецкого происхождения П. О. Пирлинга, родившегося в России, в течение 40 лет (с 1877 г.) работавшего директором Славянской библиотеки в Париже. Цикл исследований о дипломатических отношениях Москвы и

¹ *Богословский К. К.* Государственное положение римско-католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени. Харьков, 1898; *Цветаев Д. И.* К истории изучения вопроса об иностранцах в России. Варшава, 1891.

Ватикана – его главный труд, созданный на материалах ватиканских архивов. Сделанные Пирлингом выводы относительно мировоззрения российских монархов, вступавших в браки с представительницами монарших дворов Европы, воспитанными в католической и лютеранской традициях, объясняют тонкости конфессиональной политики Российского государства.

Российская академия наук еще в начале XX в. проявляла интерес к источниковой базе российско-ватиканских дипломатических контактов. Ученый корреспондент Императорской академии наук в Риме Е. Ф. Шмурло изучил документы, хранящиеся в итальянских архивах, и создал ряд рукописей-отчетов («Русская история в свете географической обстановки», «Москва и Рим», «О католической и православной церкви» и др.), которые, к сожалению, не успел опубликовать в России до революции.

Историография советского периода, вопреки стереотипным представлениям о ней, не была тотально критической. Безусловно, на начальном этапе построения социализма, в период Гражданской войны и коллективизации, католицизм рассматривался в контексте идеологии контрреволюционного движения, наряду с другими конфессиями. После Второй мировой войны в поле внимания историков оказался католицизм как самостоятельная идеологическая система, очевидным стал интерес к содержательным коннотациям. Академическая традиция, прерванная в 1930-е гг., после смерти И. В. Сталина возобновилась и представлена в контексте нашей темы энциклопедическим трудом Б. Я. Рамма¹. Проблематику детерминации отношений между Россией и Ватиканом развивали также сочинения А. Венгера и М. М. Шейнмана².

Конечно, в контексте «исторического момента» имели место идеологизированные сочинения. Своеобразным феноменом представляются сегодня работы сугубо атеистического, антикатолического, «антизападного» характе-

¹ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959.

² Венгер А. Рим и Москва, 1900–1950. М., 2000; Шейнман М. М.: 1) Ватикан и Россия в период между февралем и октябрём 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Т. 5. С. 14–25; 2) Краткие очерки истории папства. М., 1952.

ра. Однако и эта группа сочинений по-своему интересна. Призывая бороться с любыми проявлениями религии, историки-атеисты не оспаривали наличие особенностей в менталитете и поведении «религиозников». Публикации А. Долотова, Б. Кандидова, И. Д. Эйнгорна¹ постулировали ликвидацию церковных социальных институтов, зданий культа как «явление вполне естественное... в связи с отходом масс от религии»². Примечательно, что действия советской власти в указанных сочинениях объяснялись изменением ментальности общества, а не наоборот.

Период «хрущевской оттепели» позволил университетской науке провести статистические и архивные исследования регионального содержания национального и конфессионального дискурса.

Постсоветский период характеризуется акцентированием внимания к обострившимся после распада Советского Союза проблемам национальной идентичности, к выявлению взаимосвязи между этничным и конфессиональным, к упраздненным советской властью институтам церковной благотворительности, конфессионального образования.

Данный период в историографии характерен возобновлением исследований, посвященных объяснению легитимности присутствия структур католической церкви на территории России и Сибири. Правовые экскурсы в историю взаимоотношений католической церкви и государства в России были предприняты историками О. А. Лиценбергер и Ю. С. Беловым, юристом В. С. Жилинской. Лиценбергер провела сравнительный анализ государственной политики Российской империи по отношению к римско-католической и евангелическо-лютеранской конфессиям и пришла к выводу о значительной доле идеологически предвзятых суждений относительно влияния Ватикана на деятельность католических структур в России. Представления римско-католической церкви о государстве и праве исследованы

¹ Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930; Кандидов Б. Религиозная травля в Польше. М., 1930; Эйнгорн И. Д. Религия, церковь и классовая борьба в Сибири в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1983.

² Кандидов Б. Указ. соч. С. 52.

Жилинской. Сделан вывод, имеющий принципиальное значение для нашего исследования: «Церковь считает государство хоть и самостоятельным, но все же преходящим институтом... Соответственно, и обязанности верующих по отношению к государству никогда не будут превалировать над обязанностями личности по отношению к Богу»¹.

Интересно, что в первом десятилетии XXI в. проведены «встречные исследования» представлений государства о католической церкви в России (О. А. Лиценбергер) и представления католической церкви об институте государственной власти (В. С. Жилинская). Ю. С. Белов, исследуя правительственную политику по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1917 гг., впервые обратился к сюжету легитимности католического присутствия в нашем регионе, подвергнув анализу документы Российского государственного исторического архива (РГИА) об инициативе учреждения католической епархии в Сибири. Этот же сюжет, но на материалах не МВД, а канцелярии митрополита католической церкви в России, затронут в работе польского историка В. Масяржа. Оба исследователя пришли к схожим выводам о действиях российского правительства в интересах хозяйственного освоения и заселения восточных окраин страны выходцами из европейских регионов.

История политических и экономических миграций, определивших людность конфессионального сообщества сибирских католиков, неоднократно становилась предметом исследований, выполненных сибирскими историками. Долгое время наиболее исследованной считалась польская диаспора Восточной Сибири, однако рубеж XX–XXI столетий стал временем активизации интереса и к европейским диаспорам Западной Сибири. Проблемы миграционного поведения немцев рассматривались целой плеядой ученых. Мотивация к переселению в Сибирь выявлена в сочинениях П. П. Вибе,

¹ Жилинская В. С. Представления римско-католической церкви о государстве и праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. URL: <http://lawtheses.com/predstavleniya-rimsko-katolicheskoy-tserkvi-o-gosudarstve-i-prave>.

условия переселения добровольных мигрантов-агров немецкой национальности – Е. К. Розиной. Объяснительная модель предпринимательской активности немцев-протестантов в сравнении с немцами-католиками разработана Л. В. Малиновским и И. И. Кротгом.

Народонаселенческие характеристики первой волны массовой ссылки в Сибирь поляков, составивших основу здешних католических приходов и выступивших с инициативами возведения культовых зданий, выявлены в диссертации Р. В. Оплаканской. Анализ численности и состава, профессиональной принадлежности и семейного положения ссыльных в Западную Сибирь пореформенного периода выполнен С. Г. Пятковой. Современный взгляд на социальный и демографический состав польской ссылки предложен С. А. Мулиной. Характеристика численности, размещения и персонального состава представителей польского католического духовенства в ссылке дана И. Н. Никулиной.

Итоги Первой всеобщей переписи населения Российской империи, значимые для характеристики католического сообщества в России и Сибири, были востребованы В. А. Скубневским и Б. В. Тихоновым. Характеристика миграционных потоков агров немецкой и польской национальностей католического вероисповедания нашла отражение в работах С. В. Леончика и В. Н. Шайдурова. Численность, состав и размещение польского населения в Сибири рубежа XIX–XX вв. рассмотрены в монографиях и статьях В. Мясража, Л. К. Островского.

Политико-административный и правовой контекст Сибири как принимающего сообщества в актуальный для нас исторический период приобрел рельефные черты благодаря трудам С. В. Максимова и А. Д. Марголиса, А. В. Ремнёва и Н. П. Матхановой, С. В. Кодана и Н. И. Краснякова.

Л. М. Дамешек и А. В. Ремнёв пришли к значимому для нас выводу о том, что переселенцы из европейских губерний не только формировали новые для Сибирского региона этнокультурные группы, маркировавшиеся, в частности, и конфессиональными различиями, но и создавали новую общ-

ность на основе общерусской культуры и идентичности¹. Экспертная оценка процессам теоретического оформления сибирского регионализма и роли национального, а также конфессионального факторов в региональных анклавах дана А. В. Ремнёвым и Л. М. Дамешком. Они утверждают, что сибирская региональная идентичность превалировала над конфессиональной и этнической идентичностями в регионе. Отмечают, что конфессиональные и национальные различия в Сибири нивелировались благодаря особенной толерантности, основанной на общечеловеческих ценностях.

Комплексный подход к исследованию *опыта филантропии* в Сибири применен в монографическом исследовании Г. А. Бочановой, Л. М. Горюшкина, Г. А. Ноздрина. Впервые в историографии авторами рассматривается благотворительность не только как система социальной помощи, но и как часть процесса национальной самоидентификации. В поле их зрения оказалась политика самодержавия по отношению к благотворительным обществам, деятельность самих благотворительных организаций, а также особенности благотворительности в среде различных народов, населявших Сибирь в позднеимперский период. Специфика филантропической деятельности немецких сельских обществ отмечена в работах В. Э. Кригера. Польской благотворительности посвящены труды И. В. Нам и А. Ю. Майничевой. Специфика конфессиональной католической благотворительности отражена в работах Т. Г. Недзелюк (Титовой).

Отдельную группу литературы составили попытки *реконструкции истории католических приходов*. Отличительной чертой этих работ, созданных, как правило, на рубеже XX–XXI вв., стали активное обращение к материалам местных сибирских архивов и очерковый характер. Сочинения в жанре

¹ Национальные аспекты колониационной политики Российской империи в Сибири: «проект большой русской нации» и сибирская региональная идентичность // Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 63–75.

локальной истории расширили область тематического дискурса, создали эмпирическую базу для дальнейших исследований¹.

Современную российскую историографию избранной нами темы отличает стремление к энциклопедизму, комплексному изучению региональных католических организаций в составе конфессии. Двухтысячные годы ознаменовались ростом количества научных мероприятий, в том числе международных конференций, посвященных установлению взаимосвязей между культурой, этническим самосознанием и конфессиональным дискурсом.

В *польской историографии* хрестоматийными стали работы З. Либровича и М. Яника. Либрович стремился создать энциклопедический труд о цивилизаторской миссии поляков за Уралом; Яник впервые в польской исторической науке обратился к статистике, привел данные о количестве и сословной принадлежности ссыльных, опираясь на документы канцелярии Варшавского генерал-губернатора. Обращение к ментальным установкам ссыльных повстанцев в Сибири, к проблемам их аккультурации в сибирском социуме было предпринято Х. Скоком и З. Лукавским².

Сегодня в Польше сложились четыре центра изучения польско-сибирской истории. Этническая и персональная история определяют «лицо» Вроцлавской научной школы, созданной и возглавляемой А. Кучиньским. Центр восточных исследований Вроцлавского университета стал инициатором первых совместных польско-сибирских и сибирско-польских научных мероприятий во Вроцлаве, Иркутске, Томске. Приоритетным направлением Варшавской школы является социальная история. Основательница научной школы В. Сливовска задала тон антропологической составляющей в поль-

¹ Денисова Е. А. Развитие католических общин в Приенисейской Сибири до революции 1917 г. // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2009. Т. 1. С. 55–58; Доброновская А. П. Красноярский католический храм // Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Красноярск, 2006. С. 77–81; Леончик С. В. Римско-католические приходы в Тарском Прииртышье в конце XIX – начале XX в. // Проблемы изучения русско-польских культурных контактов в Тарском Прииртышье XIX–XX вв. Тара, 2008. С. 50–53; Ханевич В. А. Католики в Кузбассе. Кемерово, 2009; Maslennikow A. Rzymskokatolicka parafia w Tomsku na Syberii w latach 1812–1991 // Nasza przeszłość. Т. 93. S. 227–266; Fiel S. Gubernialne rzymskokatolickie kościoły w Tobolsku (1847–2000) // Kościół katolicki na Syberii. Wrocław, 2002. S. 271–290; и др.

² Skok H. Polacy nad Bajkałem 1863–1883. Warszawa, 1974; Łukawski Z. Ludność polska w Rosji. Wrocław, 1978.

ских исследованиях о Сибири и развенчала ряд мифов, героизирующих польских ссыльных. Конфессиональная история польской диаспоры в Сибири является предметом изучения Люблинской школы: Р. Дзвонковский и Е. Небельский, сопоставив источники личного происхождения из польских, белорусских и сибирских архивов, сделали ряд выводов, значимых для нашего исследования. Четвертый научно-исследовательский центр – Институт национальной памяти в Кракове. На рубеже XX–XIX вв. приобрела актуальность концепция «мемориализации культурного ядра». Краковские историки осознают, что побудительным мотивом «возврата к истокам» стал вызов европейской интеграции и глобализации, стремление сохранить свое лицо, национальную самобытность через акцентирование роли польских ученых, исследователей, музыкантов и архитекторов. Сибирь в их исследованиях выступает в роли линзы, отражающей, преломляющей и многократно увеличивающей значение польского вклада и польской национальной ментальности в изучение зауральского региона.

Немецкая историография. Лютеранский пастор Я. Штах, служивший в Славгороде, описал образ немца-переселенца в Сибири и Средней Азии периода первых десятилетий XX в. Штуттгартский журнал «Heimatbuch» в 1960-х гг. разместил на своих страницах материалы о сибирских немцах, их церковной и религиозной жизни¹. Примечательно, что внешняя обрядовая сторона церковности и внутреннее содержание религиозных традиций авторами осознавались в качестве самостоятельных институтов. Комплексному исследованию религиозной жизни российских, в том числе сибирских, немцев посвящен труд Й. Шнурра². Центр современных германских исследований о немцах России и Сибири переместился из Штуттгарта в Геттинген. Институт культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы, Геттинген-

¹ *Stumpp K.* Verzeichnis der deutschen Siedlungen in Nord (Sibirien) und Mittelasien // *Heimatbuch*. 1964. S. 87–99; *Von A. M-r.* Das kirchliche und religiöse Leben der Deutschen in Sibirien und Mittelasien von seinen Anfängen bis zum Jahre 1914 // *Heimatbuch*. 1964. S. 118–127.

² *Schnurr J.* Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen: katholischer Teil aus Vergangenheit und Gegenwart des Katholizismus in Russland. Stuttgart, 1980.

ский исследовательский центр под руководством А. Айсфельда активно сотрудничают с российским научным сообществом.

В результате проведенного историографического анализа мы установили, что на сегодняшний день в российской и зарубежной историографии достаточно хорошо изучены проблемы народонаселенческой основы для формирования католических организаций, функционирования католических приходов, персонального состава священнослужителей в Сибири. Проблема конфессионального своеобразия в ракурсе особенностей менталитета как основы поведения лишь обозначена в постановочных докладах на международных конференциях, но до сих пор не разрабатывалась. Тематика ментальной истории и истории повседневности регионального сообщества сибирских католиков до сих пор не являлась предметом изучения.

Объектом настоящего исследования является региональное сообщество католиков Сибири в период наиболее массового становления и развития католических общин в данном регионе. Под «региональным сообществом сибирских католиков» мы понимаем ту часть населения региона, которая в изучаемый нами период исповедовала и практиковала католицизм.

Предмет исследования – влияние мировоззрения на повседневную жизнь конфессионального сообщества сибирских католиков в 1830–1917 гг.

Целью нашего исследования стало выявление значимых установок в системе ментальных ценностей католиков Сибири и характеристика влияния этих установок на повседневную жизнь. Достижение цели предполагало решение ряда **исследовательских задач**. Мы стремились:

- 1) обосновать свои теоретические подходы к изучению конфессионального сообщества сибирских католиков;
- 2) выявить содержательные признаки мировоззрения, повседневной жизни и социальных практик сибирских католиков;
- 3) определить и охарактеризовать факторы и условия, повлиявшие на формирование особенностей менталитета католиков Сибири;

4) выяснить роль этнонациональной ментальности в формировании мировоззренческих ориентиров религиозного сообщества сибирских католиков;

5) уточнить особенности мировоззрения и повседневной жизни католиков, сформировавшиеся под воздействием именно сибирских реалий;

6) раскрыть направления, формы и результаты влияния мировоззренческих ориентиров сибирских католиков на их деятельность по преобразованию окружающего социума.

Хронологические рамки исследования. Нижней хронологической границей является 1830 г., когда в Царстве Польском произошло восстание за независимость, участники которого составили первую массовую волну ссыльных католического вероисповедания в сибирские губернии. Верхней – 1917 г., повлекший кардинальные изменения в российском обществе и ознаменовавшийся изменениями в стабильных мировоззренческих представлениях и повседневной жизни сибирских католиков.

Географические рамки исследования включают в себя Сибирь в составе Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей.

Характеристика источников. Сведения о мировоззрении и повседневной жизни католического населения Сибири содержатся в достаточно обширном и репрезентативном круге источников.

Регламентация политико-правовых условий, создавших среду для формирования в Сибири конфессионального сообщества католиков, была осуществлена в законодательстве Российской империи. *Законодательные и другие нормативные акты* представлены законами, положениями, правилами, регулировавшими порядок и условия учреждения в Сибири церковных приходов (в том числе католических), строительство церковных зданий, порядок преподавания Закона Божьего римско-католического исповедания в учебных заведениях разных ведомств. Указанные законы и положения опубликованы в Сводах законов Российской империи издания 1893 и 1896 гг., сборниках законодательных актов переходного времени (1904–

1908 гг.)¹. Законодательные источники свидетельствуют о заинтересованности руководства страны в переселении католиков в зауральский регион. С одной стороны, не ставилась под сомнение важность данного процесса. С другой – предложение о необходимости учреждения в Сибири епархиальных структур неоднократно отклонялось, а учреждение церковноприходских школ при католических приходах Сибири запрещалось, чтобы не создавать прецедента, который мог бы иметь неприятные последствия, по аналогии с Царством Польским.

Делопроизводственные материалы представлены в исследовании тремя группами источников: 1) метрическими книгами приходов католических церквей; 2) отчетной документацией римско-католических благотворительных обществ; 3) ходатайствами прихожан и инициированными ими материалами делопроизводства органов церковной и светской власти.

Метрические книги католических приходов Сибири находятся на хранении в архивохранилищах сибирских городов, Центральном государственном архиве г. Санкт-Петербурга, Ватиканском архиве. Данная категория исторических источников оказалась важной для нашего исследования, так как именно метрические книги фиксировали места выхода католиков-переселенцев, их социальную принадлежность, половозрастной состав.

Отчетная документация Омского, Тобольского и Иркутского благотворительных обществ предоставила возможность выявить круг инициативных прихожан, изучить спектр филантропической и культурно-массовой деятельности католиков.

Большую группу документации составляют материалы, инициированные ходатайствами, исходящими из среды прихожан. Прошения о выделении участка земли для строительства молитвенного дома или приходского храма,

¹ Устав духовных дел иностранных исповеданий // СЗРИ. СПб., 1893. Т. 11, ч. 1; Устав духовных дел иностранных исповеданий // СЗРИ. СПб., 1896. Т. 11, ч. 1; Законодательные акты переходного времени, 1904–1908 // Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России. Изд. 3-е, пересм. и доп. по 1 сент. 1908 г. СПб., 1909.

о назначении в уже построенные церкви священников, об открытии школы при приходе представляют собой уникальный источник по истории складывания конфессионального облика сибирских территорий и характеристике мировоззрения самих прихожан. В них обосновываются причины переселения в Сибирь, описываются социально-бытовые условия жизни мигрантов, позитивные и негативные моменты организации церковной жизни.

Справочные издания. В нашем исследовании востребованы фактические данные из «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, «Сибирской советской энциклопедии», «Католической энциклопедии». Справочники по периодической печати Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.) и русской периодической печати (1702–1894 гг.) позволили составить представление о восприятии общественным мнением россиян феномена конфессионального сообщества сибиряков-католиков. Справочники-путеводители по архивным коллекциям стали навигатором при поиске необходимой информации. Биобиблиографические справочники позволили верифицировать персональные данные клириков и мирян католического вероисповедания, местом жительства для которых в рамках исследуемого периода стала Сибирь.

Материалы статистики. Для изучения темы востребованы две категории статистических источников: 1) статистика, собираемая отдельными ведомствами (Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД (ДДДИИ), Министерством народного просвещения (МНП), Министерством земледелия и государственных имуществ, Переселенческим управлением, Главным управлением землеустройства и земледелия); 2) данные Центрального статистического комитета МВД (ЦСК), в том числе опубликованные материалы Всеобщей переписи населения 1897 г., выявившей распределение населения империи, ее регионов по вероисповеданиям, а также статистические ежегодники России. Органы ЦСК в сибирских областях и губерниях подготавливали статистические таблицы в качестве приложений к губернаторским отчетам. Ежегодные и пятилетние отчеты содержат данные о чис-

ленности населения в городах и уездах с делением по полу, сословию и вероисповеданию, они регулярно включались в обзоры и памятные книжки сибирских губерний, справочники-указатели и материалы для изучения быта переселенцев.

Источники личного происхождения. К категории мемуаров-автобиографий относятся воспоминания польских ссыльных католического вероисповедания В. Мигурского и Ю. Ручиньского, переведенные на русский язык и опубликованные Б. С. Шостаковичем¹. К группе мемуаров-«современных историй» принадлежат записки российского дипломата Н. Бока, позже ставшего католическим священником, изложившего свой взгляд на положение дел в российско-ватиканской сфере дипломатических отношений². Дневники и частная переписка католических священнослужителей, отбывавших ссылку в восточносибирской д. Тунке, опубликованы Е. Небельским³. Источники личного происхождения позволяют реконструировать конкретные обстоятельства налаживания конфессионального быта в новых природно-климатических, политико-правовых и этнических условиях. Нами в 1993–2002 гг. были записаны семейные предания сибиряков католического исповедания (Бах, Бони, Герлинь, Гаук, Детцель, Дроздовских, Дуквен, Кузьменко, Пухальских, Реснянских, Романчуков) о родителях, приехавших из европейских губерний империи, обстоятельствах их обустройства в Сибири, внешнем убранстве и внутреннем устройстве храмов в дореволюционное время.

Периодическая печать является индикатором, позволяющим проследить отношение местных и центральных органов власти, а также общественного мнения к наличию на конкретной территории приходов католической церкви. В местных газетах начала прошлого века («Алтайская мысль», «Алтайский луч», «Алтайское дело», «Время», «Голос Оби», «Голос Томска», «Голос

¹ Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX ст. Иркутск, 2009.

² Бок Н. Россия и Ватикан накануне революции: воспоминания дипломата. Нью-Йорк, 1962.

³ Niebelski E. Tunka: syberyjskie losy księży zesłańców 1863 r. Wrocław, 2011.

Сибири», «Дело революции», «Знамя революции», «Жизнь Алтая», «Народная Сибирь», «Народная летопись», «Обская жизнь», «Обь», «Омский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирская мысль», «Сибирские отголоски», «Сибирский вестник», «Утро Сибири») отразилась повседневная жизнь католических приходов через призму деятельности благотворительных обществ, приютов, образовательных учреждений в регионе.

Значительная часть востребованных источников впервые вводится нами в научный оборот. Извлеченные из фондов центральных и региональных архивохранилищ, редких и малодоступных периодических изданий, они формируют репрезентативную основу исследования. В общей сложности были изучены и использованы материалы 49 фондов из 12 архивов России, Белоруссии, Ватикана. Таким образом, исследование по теме «Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на их повседневную жизнь (1830–1917 гг.)» хорошо обеспечено источниками.

Методология исследования. В поле историко-антропологических исследований рядом расположены и часто пересекаются история ментальностей и историческая антропология, микроистория и история повседневности¹. Исследовательское поле новой социальной истории представляет собою область взаимодействия с исторической антропологией, этнографией и психологией, философией и религиоведением в числе других наук. Основоположники новой социальной истории Л. Февр и М. Блок видели в междисциплинарном подходе к прошлому «один из важнейших элементов всей научной стратегии и при этом считали, что именно историческая наука должна “завладеть” всеми смежными науками о человеке и превратиться в “сердцевину” общественных наук»².

Влияние мировоззрения на повседневную жизнь конфессионального общества католиков Сибири в 1830–1917 гг. – актуальный сюжет *новой*

¹ Чеканцева З. А. Эпистемология исторического образа на рубеже XX–XXI вв. // История: электрон. науч.-образоват. журн. 2013. № 2 (18). С. 8. URL: <http://history.jes.su/s207987840000488-5-1>.

² Ретина Л. П. Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого. М., 2003. С. 8.

социальной истории и новой интеллектуальной истории как одного из ее исследовательских направлений.

Работая в русле заявленных подходов, мы востребовали установки следующих исследовательских подходов: истории ментальностей как инструмента исследования коллективного бессознательного, автоматизмов поведения, проявляющихся в повседневной жизни; теории картины мира как «совокупности образов, представлений, ценностей, которыми руководствовались в своем поведении члены той или иной социальной группы»¹; тезаурусного подхода как механизма объяснения поведенческих стереотипов в ситуации «свой – чужой» и осознанного принятия решений; истории повседневности как отрасли знания, «предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах»².

Первостепенное значение уделялось следующим *принципам* исторического исследования: историзма, объективности, проблемности, сравнительности, а также методологического синтеза, предполагающего использование концепций разных общественных наук, что дает возможность многогранной интерпретации исторических событий и явлений.

Перечисленные выше принципы и подходы реализуются нами через использование как традиционных в исторической науке методов – содержательного описания и объяснения изучаемого предмета, историко-генетического, сравнительно-исторического (компаративного), историко-типологического, так и методов количественного анализа.

Case study method (метод изучения случаев) помог нам при определении предметного поля исследования, его темпоральных и географических границ. Миграции лиц католического исповедания из регионов Царства Польского, западных русских губерний, из Поволжья были массовыми, но в каждом

¹ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 29.

² Пушкарёва Н. Л. История повседневности и частной жизни глазами историка. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ISTORIYA_POVSEDNEVNOSTI.html.

конкретном случае имели в подоплеке совершенно индивидуальную жизненную историю. Анализ мемуарного наследия сибирских поляков, вернувшихся впоследствии на родину, позволил составить представление об их жизненных мирах до и после сибирской эпопеи, о мотивах и обстоятельствах, обусловивших эти революционные изменения.

Метод устной истории («oral history») позволил нам проследить и подвергнуть анализу и восприятие конкретных фактов, и комплексные представления о системе ценностей в картине мира католиков Сибири: чрезвычайно важна роль рефлексии. Для историка представляют интерес не только воспоминания о тех или иных событиях, но и восприятие их, оценка изменений, происходивших в известных условиях. Специфика применения метода «oral history» в этноконфессиональных исследованиях заключается в строгих этических критериях «объективного слушания», ведь последователи любого религиозного культа полагают именно себя носителями высшего знания.

Для нашего исследования спецификой явилась также возможность сбора материала при помощи метода «oral history» только в начале 1990-х гг., когда были живы, хотя и находились в преклонном возрасте, некоторые участники описываемых событий. К особенностям применения данного метода в своей работе относим также уникальную возможность зафиксировать воспоминания российских немцев еще до их массового отъезда в Германию. Информанты не скрывали того обстоятельства, что намерены эмигрировать из России, что их семьи находились в процессе сбора документов. Особенности делопроизводства страны – места эмиграции (в основном Германии и Польши) предполагали наличие церковных свидетельств о крещении, венчании, а потому участие церкви в жизни христианина-католика для этой категории информантов в момент интервьюирования представлялось им весьма значительным, зачастую определяющим.

К вышеописанным методам примыкает *анализ практик коммеморации*: коллективные воспоминания рождают коллективную память. Использование данного метода при осмыслении материалов «Сибирской католической

газеты» (СКГ) за период 1995–2012 гг. позволило нам расставить акценты и определить приоритеты в системе ценностей католиков Сибири.

Дискурсный анализ текста применялся нами при прочтении одного и того же документа, помещенного в контекст разнородных исторических реалий. Так, письма и предписания Римской курии, хранящиеся в Ватиканском архиве, имеют директивный характер и относятся ко всем католическим структурам в мире. Эти же тексты, но уже в коллекции РГИА, снабжены комментариями ДДДИИ и цензурного комитета, а потому позволяют выявить особенности российского менталитета, увидеть «острые углы» в системе властеподчинения. Ярким образцом дискурсного анализа текста в нашем исследовании выступает также эпизод конфликтных взаимоотношений немецкого сельского католического общества пос. Келлеровка с настоятелем И. Козакевичем. В РГИА представлен массив обращений жителей Келлеровки, жалующихся на самоуправство священника, а в Томском государственном архиве (ГАТО) – письма самого священнослужителя митрополиту с описанием произвола прихожан.

Методика контент-анализа применялась нами в работе с архивными источниками – с «приговорами» сельских сходов, перепиской с архиепископом Могилевским, митрополитальной курией, светской администрацией, с многочисленными ходатайствами о помиловании, смягчении условий содержания, о «прислании священника», разрешении строительства церковного здания и т. д. Она позволила выявить наиболее «болезненные», животрепещущие темы. Контент-анализ метрических книг католических приходов Сибири высветил локализацию сибирских католиков, наиболее распространенные места их выхода из материнских губерний, координаты административной приписки, не совпадающие с фактическим местом жительства в Сибири. Таким образом, мы получили возможность анализа побудительных сил движения, выразившихся в миграционном поведении.

Статистико-математические методы использовались нами при подсчете численности потенциальных католиков в Сибири, при анализе динами-

ки конфессионального состава населения региона (на материалах переписи 1897 г., Однодневной переписи начальных школ 1911 г., статистических таблиц из «Памятных книжек» сибирских губерний и областей, иных материалов статистического характера).

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что впервые на примере Сибирского региона осуществлен анализ влияния мировоззренческих убеждений и установок конфессионального сообщества католиков на их повседневную жизнь. Методологический инструментарий новой интеллектуальной истории позволил выявить особенности мировоззрения католиков Сибири, обусловленные, во-первых, их принадлежностью к католической церковной традиции, во-вторых, местом проживания, сибирскими правовыми, географическими, климатическими, социальными условиями.

Влияние мировоззрения католиков Сибири на их повседневную жизнь в 1830–1917 гг. явилось оригинальным сюжетом интеллектуальной истории: ранее факт присутствия католиков и их административных структур на территории Сибири квалифицировался как сюжет экспансии католицизма на новые земли. Особенность ментальной истории, независимой от идеологии, проявилась в детерминировании событий повседневной жизни мировоззренческими установками самих действующих лиц, акторов исторического процесса.

Теоретическая значимость исследования заключается также в полидисциплинарном подходе к изучению проблем конфессиональной истории Сибирского региона, в применении исследовательских методик из разных групп методов (и содержательных, и количественных) для достижения единой цели – описания и объяснения повседневности регионального конфессионального сообщества. Созданная нами модель исследования темы может быть применена к изучению истории других конфессиональных сообществ, в иных регионах.

Научная новизна исследования. Проблема влияния мировоззрения на повседневную жизнь католиков Сибири ранее не поднималась в профессиональном историческом сообществе. Впервые были выявлены факторы и условия, повлиявшие на формирование системы мировоззрения и повседневную жизнь католиков Сибири.

Установлено, что демографические характеристики состава прихожан в западных и восточных субрегионах Сибири были принципиально различными. Выявлено, что методы ведения хозяйства и стереотипы отношения к собственности у католиков Сибири отличались от принятых в сибирском старожильческом социуме и имели конфессиональную специфику. Охарактеризованы мировоззренческие ориентиры католиков Сибири и определено, что их представления о Сибири как географическом, информационном, правовом пространстве занимали важное место в картине мира, выполняя функцию навигатора. Впервые раскрыты представления сибирских католиков о приходской общине. Установлено, что сообщество единоверцев трактовалось ими не только в качестве локального социума, но и в качестве института реализации тезаурусных конструкций.

Впервые охарактеризована трансформация гендерных стереотипов ссыльных и добровольных переселенцев католического вероисповедания после их водворения в Сибири. Установлено, что в процессе миграций представления о браке и семье, о должных моделях воспитания детей не претерпели кардинальных изменений, хотя их реализация на практике часто встречала затруднения.

Выявлено, что на новых местах жительства сибирскими католиками не воспроизводился точный вариант материнской традиции, а под воздействием механизмов адаптации формировались локальные варианты конфессиональных укладов. Музыкальные традиции католических приходов Сибири в целом соответствовали каноническим правилам, однако имели место и прогрессивные новшества. Впервые подвергся анализу круг чтения прихожан

католических храмов Сибири, выявлена специфика читательской аудитории и подбора литературы для чтения.

Установлено, что на формирование аксиологических приоритетов сообщества сибирских католиков оказывала влияние этнонациональная ментальность. Характеристики повседневной жизни немцев, поляков, белорусов католического вероисповедания в Сибири обнаруживали как общие черты, так и разницу между собой. Различия были обусловлены этнической спецификой, а общие черты – принадлежностью к одной конфессии.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при подготовке обобщающих трудов по социальной истории России и Сибири, по истории религиозных сообществ на территории Сибирского федерального округа, а также для разработки образовательных программ, лекционных курсов, учебных и научно-популярных изданий по отечественной истории, истории Сибири, религиоведению, локальной истории и краеведению.

Результаты исследования влияния мировоззрения на повседневную жизнь конфессионального сообщества католиков-сибиряков могут оказаться полезными для выстраивания современных моделей взаимодействия между региональными религиозными сообществами.

Положения, выносимые на защиту.

1) В период 1830–1917 гг. в Сибири сложилась региональная конфессиональная общность католиков, обладавшая особым мировоззрением, в значительной степени влиявшим на общественные формы и содержание повседневной жизни представителей этой общности.

2) Мировоззрение сибирских католиков определялось католической догматикой и кодексом канонического права католической церкви, которые были едиными для всех приверженцев данной конфессии, независимо от региона их проживания. Убеждения в божественной предопределенности, в силе высшей справедливости, в покровительстве и заступничестве Девы

Марии, в причастности к вселенской церковной традиции определили ряд устойчивых рефлексивных представлений в картине мира католиков Сибири.

3) Народонаселенческие характеристики состава прихожан в западной и восточной частях Сибири отличались существенным образом. Для востока побудительным мотивом формирования католического населения выступила, главным образом, политическая ссылка. В Западной Сибири роль системообразующего фактора сыграли аграрные переселения, а также заработная миграция при строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали.

4) Методы ведения хозяйства и стереотипы отношения к собственности у сибирских католиков имели этноконфессиональную специфику в окружающем православном восточнославянском социуме (охотное использование технических новинок, стремились обладать возможно бóльшим количеством земли и др.).

5) Религиозное образование осознавалось католиками Сибири как компонент национальной культурной традиции. Она служило важным инструментом формирования национальной и культурной идентичности.

6) Приходская община предоставляла прихожанам возможность самореализации. Сообщество единоверцев трактовалось не только как локальный социум, но как способ реализации тезаурусных конструкций (мировоззренческих ценностей, приоритетов поведения, характера социализации).

7) Гендерная принадлежность в значительной степени определяла место прихожанина в конфессиональной общине, в религиозной семье.

8) Стереотипное восприятие брака и семьи в католической среде было единым и зависело от установлений канонического права католической церкви. Воспитание детей осуществлялось в соответствии с этнонациональными и конфессиональными традициями.

9) Музыкальные традиции католических приходов в целом соответствовали правилам, закрепленным каноном. Отступление от канона в сторону популяризации светской классической музыки и употребление музыкальных текстов не только на латыни, но и на национальных языках отражали стрем-

ление клириков и органистов сделать богослужение более близким по духу сибирской пастве. Новации музыкальной традиции в сибирском варианте опередили время: подобные отступления от канона будут санкционированы только во второй половине XX в. II Ватиканским собором.

10) Специфика круга чтения подтвердила сохранность конфессиональной системы ценностей сибирских католиков. Наряду с классическими произведениями богословов, в приходских библиотеках пользовались спросом периодические издания из Польши, Германии, Литвы, т. е. из мест выхода сибирских прихожан.

11) Храмовые строения (их внешний вид, внутреннее убранство, история сооружения, инициатива в строительстве, участие прихожан в процессе возведения) представляли собой видимое воплощение мировоззренческих установок. Храм являлся символом, осязаемым и доступным каждому. Готическая архитектура символизировала своеобразие конфессиональной традиции, выделяя культовые здания католиков в ландшафте традиционной сибирской застройки.

12) На формирование аксиологических приоритетов сообщества сибирских католиков оказывала влияние этнонациональная ментальность. Характеристики повседневной жизни католиков-немцев, католиков-поляков и католиков-белорусов обнаруживали как общие черты, так и разницу между собой. Общее превалировало над особенным, что неоднократно подчеркивалось поселенческим выбором: немцы-католики предпочитали селиться в конфессионально родственных населенных пунктах, игнорируя поселения немцев-лютеран, баптистов и менонитов. Брачные предпочтения не противоречили поселенческому выбору; в качестве супругов сибирские католики желали видеть единоверцев, либо православных русских.

13) Характеристика влияния мировоззрения на повседневную жизнь католиков Сибири в 1830–1917 гг. выявила закономерность в актуализации конфессиональных ценностей. На первом этапе водворения в Сибири, вне зависимости от времени прибытия в регион (1830-е, 1860-е гг. для ссыльных

или 1880-е гг., первое десятилетие XX в. для экономических мигрантов), мировоззренческие ценности осознавались как жизненно важные, происходило становление собственного типа региональной конфессиональной идентичности в качестве способа позиционирования себя в социуме. Второй этап – время смены поколений и поддержания обретенного в Сибири социального статуса – как правило, сопровождался снижением значимости элементов религиозной мотивации в общей системе ценностей; наибольшее значение на этом этапе приобретали обрядово-символические атрибуты. Третий этап, сопряженный со сменой политического строя в стране, проявил себя всплеском конфессионального самосознания. Элементы конфессионального менталитета вновь стали играть определяющую роль в самоидентификации католического населения Сибири.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации доложены и обсуждены представителями научного сообщества на 14 *международных научных конференциях*: «Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.)» (Новосибирск, 2002), «Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.)» (Новосибирск, 2003), «Культура и этническое самосознание поляков на Востоке» (Вроцлав, 2004), «Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности» (Саратов, 2004), «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» (Омск, 2004, 2010, 2012), «Поляки в науке и культуре Томска и Западной Сибири» (Вроцлав, 2008), «Россия и Польша: долг памяти и право забвения» (Москва, 2009), «Историческое прошлое и образы истории» (Саратов, 2012), «Историческая наука и образование в условиях современных вызовов» (Казань, 2012), «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 2013), «Религия в истории народов России и Центральной Азии» (Барнаул, 2014), «III Центральноазиатские исторические чтения» (Кызыл, 2014); на трех *всероссийских конференциях*: «Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой исто-

рии» (Новосибирск, 1999), «Социальные конфликты в истории России» (Омск, 2004), VII Всероссийской научной конференции «Тобольск научный» (Тобольск, 2011); на многочисленных *межрегиональных и региональных научно-практических конференциях*, проходивших в 2001–2014 гг. в Новосибирске, Омске, Барнауле и иных городах.

По теме диссертации автором опубликованы монографии. Основные результаты диссертационного исследования отражены также в серии статей, помещенных в 1997–2014 гг. на страницах научных изданий Бергамо и Милана (Италия), Варшавы и Вроцлава (Польша), Уилмингтона (США), Москвы, Новосибирска, Омска, Томска, Барнаула и Тобольска.

Структура диссертации определена объектом и предметом исследования в соответствии с исследовательскими целью, задачами и логикой изложения материала. Диссертация включает введение, четыре главы, заключение, список использованных источников и литературы, два приложения.

В приложениях приводятся сведения о численности культовых зданий католиков Сибири в период 1830–1917 гг., их статусе, наименованиях, времени возведения и освящения; данные о составе корпуса священнослужителей католической конфессии в Сибири в 1830–1917 гг.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «Введении» обоснована актуальность темы, дана характеристика историографии, источников; определены цель, задачи, объект, предмет исследования, методология, территориальные и хронологические рамки, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы выносимые на защиту положения, приведены данные об апробации результатов исследования.

Первая глава «Факторы и условия, повлиявшие на формирование мировоззрения и образа жизни сибирских католиков» посвящена анализу обстоятельств, благодаря которым сформировалась данная региональная

конфессиональная общность, сложились ее устойчивые характеристики, возникли стереотипные модели поведения. В первом разделе «*Мировоззрение конфессионального сообщества как исследовательская проблема*» описана структура мировоззрения, выделены основные аксиологические ориентиры сибирских католиков.

Мировоззрение католиков Сибири формировалось на основе догматов католицизма и норм канонического права. *Убеждение в божественной предопределенности* трактовалось как провидение Божье и промысел Божий для достижения высших целей, недоступных человеческому разуму. Ссылка в Сибирь через призму данного убеждения виделась подвигом во имя веры. Второе убеждение – *в силе высшей справедливости*. Страдания на пути в Сибирь, утрата близких, отсутствие привычных комфортных условий расценивались как неизбежная, но высокоморальная жертва во имя Бога. Третье убеждение – *в покровительстве и заступничестве Девы Марии* – диктовало адресацию просьбы-литании именно к ней, а не к Николаю Чудотворцу, как в православии. Это убеждение получило имагологическое закрепление в поименовании сибирских католических приходов и храмов: Сердца Девы Марии – в Барнауле, Богоматери Неустанной Помощи – в Кургане, Непорочного Зачатия Богородицы – в Омске, Успения Пресвятой Девы Марии – в Иркутске. Четвертое убеждение – *в причастности к вселенской церковной традиции* – придавало уверенность в защищенности высшими силами и собственной правоте.

Во втором разделе «*Численность и структура католического населения Сибири*» дана характеристика основных этапов формирования католического населения в Сибири, прослежены динамика его численности и состава.

Процесс миграции граждан Российской империи римско-католического вероисповедания на просторы Сибири приобрел массовый характер во второй четверти XIX в., после Ноябрьского восстания 1830 г. в Польше, продолжался в период между восстаниями 1830 и 1863 гг., достиг своего первого пика после Январского восстания 1863 г. Конфессиональное сообще-

ство сибирских католиков пополнялось также за счет экономических миграций: побудительными мотивами к переселению стали экономический кризис в Силезии, выразившийся в закрытии угольных шахт и массовой безработице, строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, благодаря которому стали востребованными строители и инженеры из европейской части страны, а также аграрные миграции, пик которых имел место в 1906–1911 гг. Беженцы Первой мировой войны завершили процесс формирования сообщества сибирских католиков в указанных территориальных и хронологических границах.

По данным переписи населения 1897 г., в Сибири католики составили 0,6 % от общей численности населения. Больше всего их проживало в Томской губ. – 8587 чел., по доле в населении они распределялись так: Енисейская губ. – 1,1 %, Иркутская – 0,8, Тобольская – 0,5, Томская – 0,4, Забайкальская и Акмолинская области – по 0,3 %. Наибольшее число католиков в 1897 г. проживало в Каинском (3594 чел.) и Томском (3179) округах Томской губ., Тюкалинском окр. Тобольской губ. (2359), Красноярском окр. Енисейской губ. (2094) и Иркутском окр. Иркутской губ. (1696 чел.).

К сожалению, в досоветский период более не проводилось переписей населения, которые бы фиксировали конфессиональный состав всего населения страны, поэтому мы не можем сопоставить данные 1897 г. с более поздними. Статистический обзор городов России 1910 г. является репрезентативным источником, но дает картину конфессионального состава только городского населения. Динамика за 13 лет, с 1897 по 1910 г., демонстрирует сохранение большого числа католиков в Красноярске (5958 чел.), Омске (4850), Томске (3916), Иркутске (2952 чел.).

Результаты сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. не представили данных для сравнения конфессионального состава населения Сибири в динамике, но мы установили следующую закономерность: в графе «национальность» крестьяне указывали не национальную, а конфессиональную принадлежность, если она не являлась православной. Выявленный факт

помог нам сделать вывод о превалировании к 1917 г. конфессиональной самоидентификации над этнонациональной в среде переселенцев. В условиях ассимиляции с принимающим социумом в значительной мере нивелировались национальные обычаи, но конфессиональная картина мира продолжала оставаться стабильной.

В разделе *«Роль образования в формировании конфессионального сообщества католиков Сибири»* мы пришли к заключению, что целью и результатом религиозного образования были не только обучение грамоте и основам религиозных знаний, но и, в условиях иноэтничного и иноконфессионального окружения, сохранение родного языка, национальных традиций.

Установлено, что правительственные учебные заведения, в которых преподавался Закон Божий римско-католического исповедания, работали в следующих сибирских городах: Каинске, Кургане, Новониколаевске, Омске, Тобольске, Томске, Тюмени. Существовала альтернатива правительственным учебным заведениям: родители-католики могли отдать детей в школу при костеле либо при римско-католическом благотворительном обществе в Новониколаевске, Омске, Тобольске, Томске.

Организация конфессионального образования имела легитимный фундамент: программы изучаемых курсов должны были строго соответствовать стандартам, одобренным учебным комитетом МНП, а преподавание Закона Божьего католического исповедания велось во всех учебных заведениях России по программе, выработанной специальной комиссией ДДДИИ. Соответствие содержания обучения указанному стандарту отслеживалось Департаментом полиции МВД. Установлена заинтересованность как самих сибирских католиков, так и государственной власти в становлении и функционировании системы конфессионального образования.

Глава вторая «Мировоззренческие ориентиры сибирских католиков» содержит три раздела.

В первом разделе *«Представления о пространстве и времени в картине мира католиков Сибири»* показано, что Сибирь для западных мигрантов

стала местом осознания конфессионального единства. Предметом рефлексирования выступали не абстрактные категории, а конкретный образ бескрайней и суровой Сибири. Концепт «Сибирь» оказался идентичным понятию «пространство».

Представление о времени бытовало во множественном, расщепленном контексте. В литургическом времени мы выделяем праздничное (сакральное) и обыденное (повседневное, личностное) время. Литургическое время (в практике католической церкви применяется термин *annus liturgicus* – «литургический год») означает замкнутый временной цикл, определяющий литургическую, общественную и частную, религиозную жизнь христиан. Год начинается с Адвента, предшествующего Рождеству; послерождественское время означает переход к событию Богоявления; после Богоявления начинается отсчет недель до Пасхи. В предпасхальном периоде выделялись *septuagesima* (предначинательное время) и время Великого поста, начинавшегося с Пепельной среды. Новый литургический период открывался днем Пасхи и длился до Пятидесятницы; весь следующий период до нового Адвента именовался «после Пятидесятницы», здесь выделялись дни Святой Троицы, Тела Христова (в четверг после Троицы), Сердца Иисуса.

Литургические события, знаменовавшие земную жизнь Христа и Богородицы, установлены в период раннего христианства, до церковных разделов, а потому совпадали по датам в православной и католической церкви. В дни таких литургических событий католическая церковь предусматривала возможность индульгенции при условии посещения храма и исповеди в этот день. Своеобразие идеологических перипетий между российским правительством и папским престолом в Ватикане выразилось в предписании ДДДИИ Папе римскому запретить практику праздничных индульгенций всем имеющимся в стране католическим храмам, дабы не подавать поводов для соблазна униатам и православным.

Праздничное (сакральное) время – категория, выводящая индивидуума за границы повседневности. События, произошедшие в период от Рождества

до Рождества, от Пасхи до Пасхи запечатлевались в семейных преданиях, в индивидуальной и коллективной памяти причастных к событию людей. Приуроченное к рождественским либо пасхальным праздникам, событие получало свое оформление в календарных границах. Приезд священнослужителя сопровождался, как правило, совершением отложенных таинств: крещением детей, родившихся в период с прошлой пастырской визитации, венчанием пар, желающих вступить в брак.

Личностное время было подчинено литургическому. К наступающим суткам католическая семья «готовилась» соответственно времени года и даты в церковном календаре, так как начало литургического дня наступало накануне вечером. Вечерняя служба содержала интенции (намерения) и чинопоследования (порядок службы) на предстоящий день. Новый день начинался с утренней молитвы: здесь и следование привычному укладу жизни, и символическая причастность к единой религиозной традиции, и организационное, стартовое, начало дня. Эти события, начинающие и завершающие день, исполненные в соответствии с канонами католической церкви, создавали ощущение стабильности и защищенности, чувство причастности к общей католической традиции.

Во втором разделе *«Представления о католическом приходе как локальном социуме и месте в нем священнослужителя»* отмечено, что католический приход в Сибири представлял собой в глазах его членов микросоциум, где находили удовлетворение как базовые, так и духовные человеческие потребности. Опираясь на положения психологической теории А. Маслоу, мы выделили четыре группы потребностей, актуальных для характеристики конфессионального сообщества. К первой группе отнесли потребность в сохранении жизни, в безопасности, в продолжении рода, в экстренной экономической поддержке для защиты от голода. Ко второй группе – потребности в общении, в принятии, в уважении и одобрении, поиск референтной группы. Третья группа потребностей была призвана обеспечить удовлетворение

эстетических запросов, четвертая – стремление к раскрытию внутреннего потенциала через осуществление лидерских функций в религиозной общине.

Недостаточное количество священнослужителей, осознаваемая нужда в душепастырской помощи со стороны верующих вкупе с суровым климатом и плохими дорогами, на первый взгляд, должны были создать благоприятные условия для позитивных отношений любого доехавшего до Сибири священника и общины. Предписание служить в Сибири священники рассматривали как подвиг, а моральной компенсацией за перенесенные по дороге неудобства полагали эмоциональную востребованность прихожанами, сделавшими официальный запрос в Санкт-Петербург митрополиту с просьбой прислать духовного наставника.

Реальный характер взаимоотношений священника и общины складывался под влиянием ряда факторов. Залогом позитивных отношений являлось знание языка (в немецких приходах – диалекта), на котором говорили прихожане. Если же священнослужитель и паства в прямом смысле слова «говорили на разных языках», то возникало недопонимание, переходящее в игнорирование личности настоятеля. Спокойный и доброжелательный тип взаимоотношений сохранялся в тех общинах, где пастырь продолжительное время окормлял приход, проживая в этом же населенном пункте, понимая и разделяя нужды паствы.

Элемент героизации присутствовал в самосознании политических ссыльных, пострадавших, как они считали, за веру и принадлежность к католицизму. Героями-первопроходцами полагали себя строители Транссибирской магистрали, геологи и выпускники Варшавского университета, добровольно поехавшие осваивать Сибирь. Мигранты-аграрии гордились тем, что самостоятельно, без помощи митрополитальной курии, без священников, на свои собственные средства и своими силами построили молитвенный дом, часовню или даже церковное здание. Если в ситуации столкновения двух акторов-«героев» (община и священник) ни один не желал поступиться амбициями, о конструктивных отношениях не могло быть и речи.

Революционные события 1917 г. наложили отпечаток на стиль взаимоотношений клириков и паствы. Секуляризация сознания повлияла на круг аксиологических представлений в системе мировоззренческих установок религиозного сообщества. Центральное место занимали мистические события (религиозные праздники, церковные таинства), священник же лишь выполнял роль не столько их организатора, сколько необходимого атрибута: прихожане просили на один день отпустить из тюрьмы арестованного настоятеля «для празднования Рождества».

В третьем разделе «*Гендерные практики сибирских католиков*» изучены гендерные роли в региональном конфессиональном социуме. Роль мужчины в любой христианской общине более весома и директивна, чем роль женщины. Сибирские реалии изучаемого хронологического периода оказались таковы, что в отсутствие священнослужителя мужчины, главы семей брали на себя заботу о поддержании веры и стабильном существовании религиозного социума.

Особенностью католицизма является отождествление образа Бога не только с мужской ролью Творца или Сына. Сложились традиции почитания Девы Марии Ченстоховской, Острообрамской и т. д., культ Богородицы. У сибирских католиков особенно был распространен Розарий. Именем Богородицы Розария была освящена в 1833 г. католическая церковь в Томске.

Характеристики мужской и женской картин мира в католицизме вообще и сибирском католичестве, в частности, отражены в фольклоре и поэзии; поведение католиков чаще, чем у других, соотносится с женской социальной ролью. Если в стереотипе поведения мужчины-католика заложено поклонение образу Богородицы, то в стереотипной женской модели поведения – подражание ее образу. Образ женщины-католички дошел к нам благодаря описаниям в мемуарной литературе («Записки из Сибири» В. Мигурского).

Католички активно участвовали в музыкальной жизни приходов, были библиотекарями и преподавательницами в школах, но гендерная позиция женщина в католицизме по своей сути была отлична от мужской. Для мужчи-

ны вопрос социальной реализации в глазах общества имел первостепенную важность (добрый семьянин – характеристика положительная, но не главная); в иерархии ценностей женщины на первом месте находилась семья, затем – позиция в социуме и профессиональная востребованность. Женский взгляд на мир сибирских католичек был шире традиционного, присущего женщинам западных регионов империи, что было обусловлено необходимостью не только брать на себя ответственность за семью и детей, но и замещать мужчин в их отсутствие.

Четвертый раздел *«Представления о браке и семье»*. Концепция идеального конфессионального брака предполагала союз между адептами одной конфессии, католиками. Села, где компактно проживали переселенцы из западных губерний, составляли своеобразные круги брачных связей. Католики из селений Кыштовка, Михайловка, Спасское Томской губ. стремились заключать браки только внутри своего конфессионального круга, ориентируясь на единоверческие семьи.

Разводы у католиков случались исключительно редко, считались позором, а повторный брак мог быть заключен только в случае смерти одного из супругов, что соответствовало устоям канонического права. Возможными считались брачные союзы с русскими, с православными, как, с одной стороны, приверженцами ортодоксальной религии со схожей догматикой, с другой – представителями титульной нации. Брачный союз с православным супругом часто влек за собой повышение в социальном статусе, ускорение инкорпорации в сибирский социум, а также денежную выплату – 55 р. серебром.

Настоятель Иркутского римско-католического прихода в 1855–1894 гг. К. Шверницкий в своих заметках зафиксировал особенности правового положения ссыльных по российскому законодательству: сосланные с поражением в правах считались «граждански умершими», в Сибири их жизнь начиналась с «чистого листа». Прежний брачный союз считался отныне недействительным, давая возможность вступить в Сибири в новый брак, уже по православному обряду.

Как должествующее, ведущее свое начало со времен римского права и кодекса Наполеона, действовавшего на польских землях, воспринималось молодоженами авторитарное поведение родителей. Мы в полной мере можем охарактеризовать данную особенность как проявление конфессионального менталитета, так как она отмечалась католиками – поляками, белорусами, немцами – в одинаковой мере.

Заключению брака предшествовало троекратное оглашение в храме после воскресной мессы. Приходская община не только знакомилась со своим новым членом, но и фактически принимала решение о принятии его в конфессиональный социум. Приходские либо филиальные церковные здания римско-католического вероисповедания были далеко не в каждом населенном пункте Сибири. Для венчания молодожены и их родственники могли поехать в городской приходской храм, где мессы проходили регулярно, либо в ближайший сельский филиальный. Если брак заключался между людьми немолодыми, в пошлом вдовами и вдовцами, то такое событие могло иметь отложенный характер: будущие супруги давали клятву верности перед собранием общины, а приехавший на ежегодную пасхальную или рождественскую визитацию священник лишь вносил запись в метрическую книгу.

Глава третья «Реализация мировоззренческих ориентиров в повседневной жизни сибирских католиков» содержит три раздела.

В разделе первом *«Литургические праздники и календарная обрядность в картине мира прихожанина католического костела»* показаны роль и значение литургических праздников и календарных обрядов в мировоззрении и повседневной жизни католиков Сибири. Каноническая традиция празднования литургических событий, единая для всей католической церкви, была определена догматикой и нормами канонического права.

Системообразующей линией любой религиозной организации является календарь. Католический литургический календарь на каждый текущий год, наряду с православным, протестантским, армяно-грегорианским, магометанским, еврейским, ежегодно публиковался в «Памятных книжках» – повре-

менных изданиях местных статуправлений. В период 1908–1915 гг. во всех сибирских губерниях и областях порядок следования литургических календарей разных конфессий оставался следующим: сначала календарь православный, за ним следовал римско-католический, далее – лютеранский. Такое последование негласно задавало тон в иерархии «признаваемых и поощряемых» конфессий и деноминаций в регионе. Относительно «привилегированное» размещение римско-католического литургического календаря свидетельствует не только о высокой степени лояльности местных властей к приверженцам данной конфессии, но и о значимом положении католиков в сибирском социуме.

Наиболее почитаемыми и отмечаемыми, как и во всех христианских конфессиях, у поляков и немцев-католиков, вне зависимости от мест их выхода, были Рождество и Воскресение Христово. К традиционному канону праздника примешивались национальные оттенки – немецкие, польские, литовские, белорусские. Праздничное событие не просто становилось днем, выходящим из круга рядовых, но и символизировало связь с родиной, подчеркивало значимость каждого в коллективном мероприятии. Ожидание праздника, подготовка к нему, связанные с этим положительные эмоции способствовали формированию коллективного образа счастья. В случае отсутствия не только костела, но и священника организаторами праздничных действий становились глава семьи или его супруга, принимавшие гостей. В таком случае праздничный литургический компонент, ядро праздничной композиции, заменялся циклом календарных обрядовых действий.

Вне зависимости от конкретного местопребывания человека, его конфессиональная принадлежность формировала психологическую нишу с комфортными условиями, а также обеспечивала круг лиц со схожим мировоззрением, референтную группу.

Второй раздел *«Круг чтения сибирских католиков»* посвящен характеристике выбора литературы для чтения, особенностям комплектования и функционирования библиотек, предоставлявших печатные издания.

Наряду с частными библиотечными собраниями в Барнауле и Томске, имелись также публичные общедоступные при благотворительных обществах в Томске и Омске. Не без ведома светской администрации функционировала библиотека в Тобольской каторжной тюрьме. Официальный статус имел фонд польской литературы в библиотеке Минусинского краеведческого музея. Польский отдел в железнодорожной библиотеке Омска просуществовал вплоть до прихода советской власти, а затем стал частью общегородской библиотечной коллекции. Специализированные книжные собрания, предлагавшие читателям жития святых, патристику, литургическую литературу, имелись в церковных библиотеках практически всех католических приходов и молитвенных домов. Достоверные сведения имеются в отношении Иркутска и Красноярска, Томска и Новониколаевска, а также с. Спасского Каинского окр. (уезда) Томской губ., где католики были преимущественно латгальцами; есть сведения о детской библиотеке в приюте при Томском римско-католическом благотворительном обществе. Говоря о спектре литературы общего характера, доступной для всех прихожан, вне зависимости от уровня их образованности, отметим часословы (алтарики, breviарии и оффиции).

Чтение выступало важным фактором поддержания ментальности сибирского обывателя католического вероисповедания, напомидало им об исторических корнях, способствовало созданию атмосферы душевного равновесия.

Третий раздел *«Представления о смерти и связанных с нею образах ритуалах у сибирских католиков»* завершает цикл характеристик деятельности сибирских католиков, направленной на поддержание собственной профессиональной идентичности.

Учение католической церкви предполагает молитвенную заботу о душах, находящихся в чистилище, что обусловило возникновение практики поминовения усопших в определенные дни литургического года. Существовали дни общего поминовения, практика которых сложилась еще во времена раннего Средневековья: суббота перед началом Великого поста, накануне Пятидесятницы, в День поминовения всех усопших верных (2 нояб.). В последнем

случае на кладбище совершалось общее моление, проходила молитвенная процессия (крестный ход).

Специальная заупокойная месса римского обряда именуется *Requiem*, по первым словам входного песнопения. Практика заказных частных литургий в католицизме получила свое распространение со времен Средневековья. Именно в такой форме сибирские католики, часто не имевшие возможности обратиться к священнику в момент похорон родственника, «постфактум» отпевали ушедших в мир иной.

Ритуалы погребения католиков вызывали интерес и недоумение у представителей других конфессий, прежде всего православных. Особенности католических некрополей – поминальный крест в центре кладбища с укрепленным на нем распятием Иисуса Христа, общий поминальный стол, массивный каменный крест с высеченными датами рождения и смерти на могиле, дорожка посреди кладбища. Захоронения производились ногами к этой дорожке, а потому одна часть покойников оказывалась погребенной головой на запад, другая – на восток.

По данным справочного издания «Города России», в 1910 г. католические кладбища имелись в следующих сибирских городах: Тобольске, Тюмени и Кургане (Тобольская губ.), Томске, Бийске, Каинске, Мариинске, Новониколаевске (Томская губ.), Омске (Акмолинская обл.), Чите (Забайкальская обл.). В Енисейской губ. специально отведенных для данной конфессии кладбищ не было выявлено, а Иркутск не предоставил статистикам сведений, хотя из архивных источников известно, что на Иерусалимском кладбище была выделена католическая часть. В Омске и Томске на кладбищах имелись специальные часовни, где происходил обряд отпевания. Как правило, св. Антоний Падуанский считался небесным покровителем этих часовен.

Глава четвертая «Практики сибирских католиков» посвящена характеристике социальных практик, результатом которых стало воздействие на хозяйственный уклад и социокультурное пространство населенных пунктов Сибирского региона.

Первый раздел *«Конфессиональные особенности методов хозяйствования у сибирских католиков»* освещает специфику конфессиональной ментальности в хозяйственной деятельности. В немецкой католической картине мира общинное землепользование представлялось естественным явлением, а хозяйственные функции сельской общины проистекали из общих жизнеобеспечительных функций христианской общины, неотъемлемой задачей которой являлась забота о ближних. Важной характеристикой мировоззрения сибирских католиков является трансформация христианского представления о бедности как абсолюте в его противоположность в связи с необходимостью выживания в суровых условиях. Выявленная трансформация сближала католиков и лютеран, руководимых протестантской трудовой этикой. Конфликтный потенциал взаимоотношений с местным населением заключался прежде всего в отношении к земле. Стремясь быстрее встать на ноги, переселенцы стремились обработать большие земельные площади, арендовали и покупали землю, принадлежавшую ранее сибирским казакам и кабинетским крестьянам.

Второй раздел *«Культовое зодчество католиков в Сибири в 1830–1917 гг.»* раскрывает общие закономерности храмового строительства католических церквей в России и Сибири. Нетипичные для сибирского градостроительного ландшафта культовые здания готической архитектуры вносили элементы своеобразия, конфессионального колорита. Наличие храма в конкретном населенном пункте у представителей регионального конфессионального социума выполняло маркировало факт «присваивания» пространства. Католики стремились возвести культовое здание, чтобы почувствовать себя включенными в сибирский социум, с одной стороны, с другой – обозначить свою инаковость, удовлетворить специфические эстетические и обрядовые потребности.

Вне зависимости от места расположения храма, в Европе или Сибири, соблюдался единый стандарт в строительстве. Современные реставраторы допускают, что по поручению МВД подготовительный этап проектирования

мог быть выполнен специалистами из губерний Царства Польского, окончательное утверждение проектной документации происходило в строительных управлениях сибирских губерний. Существовали строительные стандарты для «малых храмов» в сельской местности, для малых городов. Сохранились документы, свидетельствующие о выработке «образцового варианта», универсального для сельских и малопритчтовых городских церквей.

Активное участие членов религиозного сообщества в сохранении национально-конфессиональных традиций проявлялось в добровольных денежных пожертвованиях на строительство храма, участии в строительных работах.

В третьем разделе *«Музыкальные традиции сибирских католиков»* отмечено, что классические музыкальные традиции католической церкви – органная музыка и григорианский хорал. Органы (фисгармонии) были зафиксированы в описях имущества следующих сибирских храмов: в Иркутске, Красноярске, Верхнеудинске, Томске, Тобольске, Тюмени, Барнауле, Новониколаевске; в храмах поселков Белосток Томской губ. и Мариенбург Акмолинской обл. Благодаря наличию музыкальных инструментов и музыкантов-органистов сибирская интеллигенция, местные интеллектуалы имели возможность познакомиться с западной музыкальной традицией.

Католический храм в Сибири выполнял не только литургическую функцию, но и культурно-объединительную, являясь местом коммуникации единоверцев. В соответствии с этим, со временем несколько трансформировались и музыкальные традиции, стереотипы поведения в храме. Периодическая печать сообщает, что в Томском храме проводились концерты духовной музыки, в Новониколаевском – «мероприятия музыкального характера». Во многом благодаря этим мероприятиям католические храмы являлись центрами деятельности просветительских и культурных обществ для лиц католического вероисповедания.

В «Заключении» подводятся основные итоги исследования и сформулированы общие выводы.

В ходе исследования было установлено, что мировоззрение членов профессионального сообщества католиков Сибири в период 1830–1917 гг. обладало рядом устойчивых характеристик: общими аксиологическими ориентирами, убеждениями и рефлексивными представлениями, реализовавшимися в повседневной деятельности.

Выявлены факторы и условия, повлиявшие на формирование системы мировоззрения и повседневную жизнь католиков Сибири. Рассмотренные факты наглядно демонстрируют, что основной категорией прихожан римско-католической церкви являлись мигранты из европейских губерний России. Оказавшись в новых условиях, они придерживались традиционных культурных ценностей, сохраняя верность религиозным традициям своего народа.

Народонаселенческие характеристики корпуса прихожан в западном и восточном субрегионах Сибири существенно отличались. В Восточной Сибири побудительным мотивом формирования католического населения выступила, главным образом, политическая ссылка. В Западной системообразующим фактором стали аграрные переселения и заработная миграция при строительстве Транссибирской железной дороги.

Методы ведения хозяйства и стереотипы отношения к собственности имели конфессиональную специфику, отличаясь от принятых в окружающем православном социуме. Особенности хозяйствования привлекали к себе внимание государственных органов и учреждений статистики по причине их эффективности и результативности. Природно-климатическая специфика Сибирского региона оказала влияние на трансформацию отношения католиков к собственности. Стремление переселенцев обладать максимально возможным количеством земельных угодий вызывало негативную реакцию местного населения.

Культурная колонизация являлась составной частью государственной переселенческой политики. Оказание помощи переселенцам не только в экономическом, но и в духовно-нравственном плане привлекало в Сибирь все новые потоки мигрантов. Религиозная традиция осознавалась католиками

Сибири как часть национальной культурной традиции. Соответственно, религиозное образование служило инструментом формирования национальной и конфессиональной идентичности. Идентификатором принадлежности к социуму выступало знание грамоты «на своем языке» и умение принять участие в «своем» конфессиональном богослужении. Методами приобщения к «родной» культуре становились изучение языка, традиций, в том числе религиозных. В соответствии со стремлением сохранить национально-конфессиональную идентичность и присущие ей мировоззренческие черты родители учеников стремились воссоздать в Сибири систему образования, аналогичную привычной для них, польской или немецкой. Так как субъектами процесса обучения выступали и учащиеся, и учителя – прихожане одной конфессиональной общины, то обмен знаниями происходил в рамках единого мировоззренческого пространства.

В работе охарактеризованы основные мировоззренческие ориентиры католиков. Представления сибирских католиков о Сибири как географическом, информационном, правовом пространстве занимали важное место в их картине мира, выполняя функции навигатора. Категория «время» являлась одной из центральных, системообразующих компонент повседневного бытия, позволяя не просто сохранять конфессиональную идентичность, но и ежедневно, на уровне обыденного сознания, поддерживать эмоционально-психическое равновесие, осуществлять воспроизводство традиционного жизненного сценария.

Ведущим являлось представление о собственной приходской общине. Сообщество единоверцев трактовалось не только как локальный социум, но и как способ реализации тезаурусных конструкций. Восприятие себя в изменившемся мире и необходимость диалога с окружающим социумом инициировали поиски позитивных моделей взаимодействия. Приходская община предоставляла индивидууму возможность самореализации. Гендерный фактор определял место прихожанина в конфессиональной общине, в религиозной семье. Гендерные стереотипы в экстраординарных условиях ссылки

или бытовой неустроенности первых лет после переселения имели тенденцию к трансформации: женщины вынужденно, после утраты главы семьи, выполняли мужские социальные роли.

Важное место в ментальной карте католиков Сибири занимали представления о браке, идеальной семье, традиционных моделях воспитания детей. Стереотипное восприятие брака и семьи в католической среде было единым и зависело от установлений канонического права католической церкви. Воспитание детей осуществлялось в соответствии с национальными и конфессиональными традициями.

Литургические праздники и календарная обрядность, присущие всем католикам и их сообществам, вне зависимости от места нахождения, придавали стабильность ментальным установкам сибирских католиков, формируя ощущение причастности к общей конфессиональной традиции.

Проанализировав местные особенности литургической традиции и праздничной обрядности католиков, мы пришли к выводу о том, что на новом месте жительства, в Сибири, католиками не воспроизводился точный вариант материнской традиции: под воздействием механизмов адаптации формировались локальные варианты конфессиональных укладов.

Музыкальные традиции католических приходов в целом соответствовали правилам, закрепленным канонам. Отступление от канона в сторону популяризации светской классической музыки и употребление текстов не только на латыни, но и на национальных языках соответствовали стремлениям клириков и органистов сделать богослужение неформальным, близким по духу сибирской пастве.

Специфика круга чтения подтвердила сохранность конфессиональной системы ценностей сибирских католиков. Наряду с классическими произведениями богословов, в приходских библиотеках пользовались спросом периодические издания из Польши, Германии, Литвы, то есть из мест выхода сибирских прихожан. Библиотекарями чаще всего выступали настоятели или

старосты приходов, школьные учителя, бывали случаи, когда библиотечные коллекции принадлежали частным лицам.

Храмовые строения (их внешний вид, внутреннее убранство, история сооружения, инициатива в строительстве, участие прихожан в процессе возведения) представляли собой видимое воплощение ментальных установок. Храм являлся символом, осязаемым и доступным каждому. Готическая архитектура символизировала своеобразие конфессиональной традиции, выделяя культовые здания католиков в ландшафте традиционной сибирской застройки.

Представление о смерти было не праздным: окончание жизненного пути связывалось с представлением о переходе в чистилище и мир иной. Сибирь представлялась «не вполне своим», не до конца ментально освоенным ландшафтом, а потому соблюдение похоронной обрядности и молитвенное сопровождение единоверцев выполняли важную смысловую нагрузку.

На формирование аксиологических приоритетов сообщества сибирских католиков оказывала свое влияние национальная ментальность. Характеристики повседневной жизни католиков-немцев, католиков-поляков и католиков-белорусов обнаруживали как общую основу, так и различия. Различия были обусловлены национальной спецификой, а общие черты – принадлежностью к одной конфессии. Общее превалировало над особенным, что неоднократно подчеркивалось поселенческим выбором: немцы-католики предпочитали селиться в конфессионально родственных населенных пунктах. Брачные предпочтения не противоречили поселенческому выбору; в качестве супругов сибирские католики желали видеть единоверцев или православных русских.

Характеристика влияния мировоззрения на повседневную жизнь католиков Сибири в 1830–1917 гг. выявила закономерность в актуализации конфессиональных ценностей. На первом этапе водворения в Сибири, независимо от времени прибытия в регион, мировоззренческие ценности осознавались как жизненно важные, происходило становление собственного типа региональ-

ной конфессиональной идентичности в качестве способа идентификации себя в социуме. На втором этапе происходила смена поколений, затруднявшая поддержание обретенного в Сибири социального статуса, что приводило к снижению веса элементов религиозной мотивации в общей системе ценностей; наибольшее значение на этом этапе приобретали обрядово-символические атрибуты. Третий этап, сопряженный в феврале 1917 г. со сменой политического строя в стране, проявил себя всплеском конфессионального самосознания. Конфессиональность вновь стала играть определяющую роль в самоидентификации католического населения Сибири.

Рассмотрение обстоятельств функционирования крупнейших римско-католических приходов в Западной Сибири позволяет сделать вывод, что они являлись формой сохранения конфессиональной ментальности лиц указанного исповедания, необходимой для поддержания ощущения принадлежности к той мегаструктуре, в которой они родились и воспитывались. Обстоятельства сибирской действительности наложили соответствующий отпечаток на их облик: дети, родившиеся в Сибири, приобрели в качестве системы мировоззрения «адаптированную» модель, выработанную со временем в результате взаимодействия с местным, в основном православным, населением. Однако своеобразие католических традиций сохранилось даже спустя столетие: во многих сибирских семьях до сих пор соблюдаются календарные, свадебные, погребальные ритуалы, передающиеся из поколения в поколение.

Список основных работ, опубликованных автором по теме диссертации

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Недзелюк, Т. Г. Реализация образов картины мира в повседневной жизни инославных христианских общин Сибири XIX – начала XX в.: магистерские подходы в методологии изучения темы / Т. Г. Недзелюк // Известия Алтайского государственного университета: сер. «История, политология». 2010. № 4/3 (68/3). С. 175–178.

2. *Недзелюк, Т. Г.* Конфессиональная константа в системе жизнесохранительного поведения поляков в Сибири: взгляд с позиции польских мемуаристов / Т. Г. Недзелюк // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 85–88.

3. *Недзелюк, Т. Г.* Конфессиональные особенности методов хозяйствования (по материалам полевых исследований в среде этнических немцев Сибири) / Т. Г. Недзелюк // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14). Ч. 4. С. 145–148.

4. *Недзелюк, Т. Г.* Культурное зодчество в Сибири в XIX – начале XX в. как элемент картины мира католиков / Т. Г. Недзелюк // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 23–26.

5. *Недзелюк, Т. Г.* Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник / Т. Г. Недзелюк // Вестник Томского государственного университета: сер. «История». 2011. № 3 (15). С. 129–135.

6. *Недзелюк, Т. Г.* Роль образования в формировании картины мира (по материалам католических общин Сибири конца XIX – начале XX в.) / В. А. Зверев, Т. Г. Недзелюк // Философия образования. 2011. № 5 (38). С. 228–233.

7. *Недзелюк, Т. Г.* Смена конфессиональной принадлежности в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (на примере Сибирского региона) / Т. Г. Недзелюк // Федерализм: теория, практика, история. 2011. № 2 (62). С. 183–192.

8. *Недзелюк, Т. Г.* Характеристики религиозной картины мира регионального сообщества сибирских католиков XIX – начала XX в.: к постановке проблемы / Т. Г. Недзелюк // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10). Ч. 3. С. 125–128.

9. *Недзелюк, Т. Г.* Позиция П. А. Столыпина по «католическому вопросу» в Российской империи начала XX в. / Т. Г. Недзелюк // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 24–28.

10. Недзельюк, Т. Г. История ментальностей в современной сибирско-польской историографии / Т. Г. Недзельюк // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 22–25.

11. Недзельюк, Т. Г. Картина мира конфессионального сообщества как конструкт (на примере католиков Сибири) / Т. Г. Недзельюк // Вестник Новосибирского государственного университета: сер. «Философия». 2013. Т. 11, вып. 4. С. 112–117.

12. Недзельюк, Т. Г. Гендерные стратегии и практики сибирских католиков / Т. Г. Недзельюк // Идеи и идеалы. 2014. № 3 (21). Т. 2. С. 115–124.

13. Недзельюк, Т. Г. Особенности конфессионального диалога в Сибири / Т. Г. Недзельюк // Вестник российской нации. 2014. № 1. С. 226–236.

14. Недзельюк, Т. Г. Польские библиотечные собрания рубежа XIX–XX вв. в Сибири / Т. Г. Недзельюк // Библиосфера. 2014. № 2. С. 44–49.

15. Недзельюк, Т. Г. Формирование конфессионального сообщества католиков Сибири в 1830–1917 гг. / Т. Г. Недзельюк // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 107–114.

Монографии:

16. Недзельюк, Т. Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири: 1818–1881 гг.: моногр. / Т. Г. Недзельюк. Новосибирск: Изд. дом «Прометей», 2009. 218 с.

17. Недзельюк, Т. Г. На пути к гражданскому обществу: католики на востоке Российской империи (рубеж XIX–XX вв.) / Т. Г. Недзельюк. Новосибирск: СибАГС, 2011. 164 с.

18. Поляки в Сибири: от повстанцев 1863 г. до современной Полонии: [коллектив. моногр.] / Т. М. Кикилова, А. А. Крих, Т. Г. Недзельюк [и др.]; отв. ред. С. В. Леончик. Красноярск: Изд. дом «Журналист», 2014. С. 77–84.

19. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: [коллектив. моногр.] / А. М. Адаменко, Ю. М. Гончаров, Т. Г. Недзельюк [и др.]; отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. Т. 1: Поздняя Древность – начало XX в. С. 121–132.

Статьи в иных научных изданиях:

20. Недзельюк, Т. Г. Римско-католические учебные заведения в Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) / Т. Г. Недзельюк // Моя Сибирь: вопросы региональной истории и исторического образования: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. С. 53–64.

21. Недзельюк, Т. Г. Национальные организации помощи жертвам Первой мировой войны / Т. Г. Недзельюк // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.): материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск: Ин-т ист. СО РАН, 2003. С. 148–152.

22. Недзельюк, Т. Г. Политико-правовые условия существования римско-католической церкви в России / Т. Г. Недзельюк // Жить законом: правовое и правоведческое пространство истории: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. С. 63–76.

23. Недзельюк, Т. Г. «Память Сибири»: ссыльные католические священники и образ региона в их воспоминаниях / Т. Г. Недзельюк // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.: материалы Регионал. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. С. 79–87.

24. Недзельюк, Т. Г. Из истории управления инославными христианскими исповеданиями в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / Т. Г. Недзельюк // Макарьевские чтения: материалы VI Междунар. конф. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 85–90.

25. Недзельюк, Т. Г. Материалы ватиканских архивов по истории католической церкви в России: обзор источников и перспективы исследования / Т. Г. Недзельюк // Восток – Запад: проблемы взаимодействия: история, традиции, культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. Ч. 2. С. 89–95.

26. Недзельюк, Т. Г. Структуры римско-католической церкви в Сибири как один из институтов формирующегося гражданского общества на рубеже XIX–XX вв. / Т. Г. Недзельюк // Неверовские чтения: материалы II Регион. конф. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 318–326.

27. *Недзельюк, Т. Г.* Дискуссия о судьбах российского религиозного законодательства на страницах периодической печати (рубеж XIX–XX вв.) / Т. Г. Недзельюк // Политические процессы, институты и идеология в России. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. С. 246–252.

28. *Недзельюк, Т. Г.* Католическая церковь в Сибири / Т. Г. Недзельюк // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2009. [Т. 2]: К–Р. С. 771–773.

29. *Недзельюк, Т. Г.* Религиозная политика временных сибирских правительств: вопросы истории и историографии / Т. Г. Недзельюк // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XXI вв.: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. С. 124–135.

30. *Недзельюк, Т. Г.* Роль музыки в конфессиональной жизни католиков Сибири XIX – начала XX в. / Т. Г. Недзельюк // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве: сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 150–154.

31. *Недзельюк, Т. Г.* Методы и приемы микроисторического анализа в исследовании конфессиональной культуры / Т. Г. Недзельюк // Немцы Сибири: история и культура: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Наука, 2010. С. 35–40.

32. *Недзельюк, Т. Г.* Размышления о роли и доле конфессионального в этничном / Т. Г. Недзельюк // Условия и факторы развития национально-этнического самосознания российских немцев: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГТУ, 2010. С. 74–81.

33. *Недзельюк, Т. Г.* Литургические праздники и календарная обрядность в картине мира поляка – прихожанина католического костёла в Сибири на рубеже XIX–XX вв. / Т. Г. Недзельюк // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири: материалы I Междунар. науч. конф. Томск: Изд-во ТГПУ, 2012. С. 138–142.

34. *Недзельюк, Т. Г.* Гендерные практики в картине мира сибирских католиков / Т. Г. Недзельюк // Историческое прошлое и образы истории: материалы Междунар. науч. конф. Саратов: Наука, 2013. С. 328–336.

35. *Недзелюк, Т. Г.* Представления сибирских католиков о смерти и связанная с ними погребальная обрядность / Т. Г. Недзелюк // Восток – Запад: проблемы взаимодействия: исторический, политический, социальный и религиозный аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГПУ, 2013. Ч. 2. С. 108–116.

36. *Недзелюк, Т. Г.* Конфессиональное сообщество католиков Сибири: методологические подходы к изучению темы / Т. Г. Недзелюк // Религия в истории народов России и Центральной Азии: материалы II Междунар. науч. конф. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 332–336.

37. *Недзелюк, Т. Г.* Конфессиональный социум в сибирском сельском поселении (на примере пос. Тимофеевка Томской губ.) / Т. Г. Недзелюк // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2014. Ч. 3. С. 65–70.

38. *Недзелюк, Т. Г.* Влияние мировоззрения на повседневную жизнь католиков Сибири (1830–1917 гг.): основные итоги изучения темы / Т. Г. Недзелюк // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГПУ, 2014. С. 188–193.

39. *Titova [Nedzeluk], T. G.* Gertruda Detzel, apostola del Kazachstan / T. Titova // La Nuova Europa: rivista internazionale di cultura. Bergamo, 2001. № 2. P. 76–80.

40. *Nedzeluk, T. G.* La diaspora cattolica in Siberia / T. Nedzeluk // La Nuova Europa: rivista internazionale di cultura. Milano, 2003. № 1. P. 78–99.

41. *Niedzieluk, T. G.* Polska wspólnota katolicka wsi Spasskoje w powiecie kainskim guberni tomskiej w przestrzeni międzywyznaniowej Syberii Zachodniej / T. Niedzieluk // Zesłaniec: pismo rady naukowej zarządu głównego związku sybiraków. Warszawa, 2002. № 10. S. 49–56.

42. *Niedzieluk, T. G.* Rzymskokatolickie organizacje dobroczynne i kulturalno-oświatowe na Syberii Zachodniej na przełomie XIX w. / T. Niedzieluk //

Kościół katolicki na Syberii: z prac ośrodka badań wschodnich Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław, 2002. S. 157–170.

43. *Niedzieluk, T. G.* Powstanie i rozwój organizacji katolickich na terenie Syberii Zachodniej / T. Niedzieluk // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 2003. № 7. S. 23–68.

44. *Niedzieluk, T. G.* Rzymskokatolickie organizacje dobroczynne i kulturalno-oswiatowe w Zachodniej Syberii / T. Niedzieluk // Zesłaniec: pismo rady naukowej zarządu głównego związku sybiraków. Warszawa, 2003. № 11. S. 27–39.

45. *Niedzieluk, T. G.* Polacy w Nowonikołajewsku. Wspólnota parafialna przy kościele rzymskokatolickim św. Kazimierza w latach 1902–1918 / T. Niedzieluk // Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie: tradycja i współczesność: z prac Ośrodka badań wschodnich Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław, 2004. S. 33–41.

46. *Niedzieluk, T. G.* Jeden rok z życia księży – zesłańców politycznych w Mariińsku / T. Niedzieluk // Zesłaniec: pismo rady naukowej zarządu głównego związku sybiraków. Warszawa, 2006. № 26. S. 53–56.

47. *Niedzieluk, T. G.* Polscy katolicy w gubernii tomskiej: badanie demograficzne / T. Niedzieluk // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 2008. № 12. S. 69–77.

48. *Niedzieluk, T. G.* Szkoła muzyczna Jadwigi Świętorzyckiej / T. Niedzieluk // Polacy w nauce i kulturze Tomaska oraz Syberii Zachodniej: z prac Ośrodka badań wschodnich Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław, 2008. S. 251–256.

49. *Niedzieluk, T. G.* Dokumenty syberyjskiego przedstawicielstwa delegacji Rzeczypospolitej Polskiej jako źródło do analizy demograficznej polskiej ludności katolickiej na Syberii na początku lat 20 XX w. / T. Niedzieluk // Zesłaniec: pismo rady naukowej zarządu głównego związku sybiraków. Warszawa, 2009. № 38. S. 31–35.

50. *Niedzieluk, T. G.* Rola muzyki w życiu religijnym katolików na Syberii w

XIX – pocz. XX w. / T. Niedzieluk // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 2009. № 13. S. 41–49.

51. *Niedzieluk, T. G.* Historia codzienności polskich zesłańców na Syberii: przegląd zbiorów archiwalnych / T. Niedzieluk // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 2010. № 14. S. 187–193.